

Г.М. Гогиберидзе,
Р.Э. Курбанов

Религиозно-политический экстремизм: ретроспектива, современность, прогноз

Геополитической реальностью конца XX – начала XXI века стал религиозно-политический экстремизм, выступающий под лозунгами ислама. В процессе изучения этого феномена востоковеды, как правило, опираются на западную философию и методологию науки. Однако вся система понятий, разработанная в Европе и США, не в состоянии адекватно отразить его специфику, тем более выработать эффективный методологический инструментарий, нацеленный на его преодоление. Решение поставленной проблемы требует проведения последовательной, научно обоснованной государственной политики, ориентированной на систематическую поддержку и пропаганду объективных знаний о религиозных ценностях.

Ключевые слова: экстремизм; религиозная безопасность; формирование духовно-нравственного иммунитета.

На протяжении многих лет в арабо-мусульманском мире наблюдаются явно выраженные волновые колебания религиозно-политической активности: при благоприятных условиях для международных экстремистских группировок они довольно активно и решительно выходят на авансцену политики; если же светская политическая элита сильна и способна противодействовать, они возвращаются к проповеди морально-нравственных и духовных ценностей. Не случайно отечественные востоковеды выдвинули понятие волновой динамики воздействия исламского вероучения на политическую жизнь арабо-мусульманского мира [1: с. 5–6]. Однако здесь следует заметить, что «волна», нахлынувшая в 90-е годы XX века, последствия которой ощущаются до сих пор во всем мире, весьма существенно отличается от всех предыдущих: на этот раз в сферу особого интереса исламистских реваншистов попал Юг России.

Многие религиозно-политические организации, имеющие штаб-квартиры в государствах Ближнего и Среднего Востока, которые нередко управляются из-за океана, восприняли распад Советского Союза, сопровождавшийся обострением внутривнутриполитических, социально-экономических и национально-конфессиональных проблем как руководство к действию. Опираясь на религиозное невежество населения и слабость исламского духовенства северокавказских республик, они направили значительные усилия и финансовые ресурсы на распространение несвойственной российской исламской умме идеологии радикальных течений и, прежде всего, неоваххабизма. Под лозунгами

возрождения ислама стали набирать силу салафитские движения. В результате этого в 1990-е гг. в местах традиционного проживания мусульман на Юге России появились такие региональные объединения, как Конгресс «Исламская нация», Организация кавказской солидарности «Кавказский дом», Организация исламского единства Кавказа, Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, Конфедерация народов Кавказа, Общероссийский культурный центр «Аль-Исламия» и другие. Несмотря на различные названия и благообразно сформулированные цели, у всех этих организаций была единая направленность и общие политические задачи по объединению, прежде всего, Чечни и Дагестана, а в последующем и других северокавказских республик (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Ингушетии) в исламское теократическое государство с выходом из состава России.

Необходимо отметить, что инициативу по исламизации Северного Кавказа поддержали отдельные представители республиканских политических элит образца 1990-х годов, получивших, говоря словами тогдашнего президента Российской Федерации Б. Ельцина, «столько суверенитета, сколько смогли проглотить». К сотрудничеству с зарубежными эмиссарами региональных политиков подталкивали и отдельные священнослужители из российских региональных духовных управлений мусульман, стремящиеся тем самым упрочить свою власть и улучшить материальное положение. В лидеры создаваемых новых исламистских организаций нередко выдвигались региональные чиновники. У большинства этих лиц собственно мусульманская идентификация была вторичной по отношению к политическим установкам. Их апелляция к истокам ислама была мотивирована корыстными политическими целями и неумными собственными амбициями. Они стремились стать эмирами. Эмирам международные религиозно-политические группировки сулили солидную финансовую помощь и практически неограниченную власть в конкретной религиозной общине (джамаате). Такие джамааты, по расчетам восточных и западных стратегов, должны были создаваться там, где наиболее успешно осуществлялась дезорганизация структур местной законной власти и где приживались идеи радикального ислама.

И только благодаря решительным действиям федеральной власти и органов безопасности, предпринятым в начале 2000-х годов, практически все структуры салафитского толка, обосновавшиеся в северокавказских республиках, развалились. Более того: мусульманское население Юга России, убедившись в том, что зарубежные эмиссары, прикрываясь благими пожеланиями возрождения традиционных исламских ценностей, вынашивают хищнические планы, в большинстве своем отказалось от каких бы то ни было контактов с экстремистами. Но, судя по развернутой в социальных сетях миссионерской деятельности, широкому использованию методов индивидуальной избирательной пропаганды в молодежной и подростковой среде, часть этих структур, облачившись в современные экипировки и обновив свои названия (ДАИШ, «Джабхат Фатих аш-Шам», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Ат Такфир валь-Хиджра»), продолжают до настоящего времени довольно активно действовать в подполье.

Несмотря на то, что в современном обществе нередко недооценивается геополитический потенциал религии, к сожалению, следует признать, что расчеты подпольных радикалов, выжидающих благоприятного момента для своей легализации, небеспочвенны. Де-факто, уже сегодня определенная часть молодежи Юга России игнорирует устоявшиеся светские нормы и правила, пытаясь жить по законам шариата. Так, например, если десять – пятнадцать лет назад на улицах городов крайне редко встречались девушки в хиджабе, то сегодня едва ли не четверть юных жительниц северокавказских республик «щеголяют» в традиционных нарядах правоверных мусульманок арабского Востока. И это не единственное достижение салафитских пропагандистов: в последнее время модными стали «исламские свадьбы», когда женщины и мужчины празднуют брачный союз в разных помещениях при категоричном запрете употребления любых спиртных напитков и недопустимости современного музыкального сопровождения...

Как заметил известный отечественный политолог В.В. Лапкин, в настоящее время «ситуация осложняется тем обстоятельством, что сегодня мы переживаем лишь начальную стадию глобального кризиса, когда разрушительные последствия испытывают на себе преимущественно финансовые структуры. Но его социальные последствия (рост безработицы, дальнейший спад потребительской активности) еще не стали актуальной угрозой социальным институтам, а социальные обязательства государства пока не рассматриваются в качестве непосильной для него ноши» [3: с. 36]. Практический опыт показывает, что именно в период глубокого экономического спада, когда кризис охватывает все социальные институты, а недовольство населения растет, активизируются радикальные религиозно-политические группировки. Поэтому угроза формирования новой волны исламистского радикально-политического движения сохраняется.

При этом следует заметить, что противодействие этому довольно размытому и весьма искусно законспирированному явлению затруднено еще и тем, что пока сама природа религиозно-политического экстремизма остается малоисследованной, отсутствует четкий понятийный аппарат, способствующий созданию эффективного методологического инструментария, нацеленного на профилактику экстремистских явлений в российском обществе. В отечественной и зарубежной научной литературе термин «экстремизм» раскрывается в различных аспектах, но комплексного междисциплинарного подхода к определению этого многогранного феномена не существует. Вот почему за основу целесообразно взять определение, используемое в российском нормативно-правовом поле, где экстремизм рассматривается как «деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо реакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

- насильственное изменение основ конституционного строя;
- нарушение целостности РФ;

- подрыв безопасности РФ;
- захват или присвоение властных полномочий» [5].

Но и это определение не является исчерпывающим и не отражает всей динамики преобразований данного феномена. Подтверждением является то обстоятельство, что к тексту Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», принятому еще в 2002 году, Государственная Дума вынуждена была возвращаться одиннадцать раз, вплоть до ноября 2015 года, для внесения дополнений и изменений, касающихся, прежде всего, трактовки данного термина.

Недостаточный уровень изучения столь значимых аспектов, связанных с проблемами обеспечения религиозной безопасности, объясняется также тем, что отечественные и зарубежные востоковеды на протяжении многих лет пытаются изучить «тонкое дело» Востока, опираясь на западную философию и западную методологию науки. Однако вся система понятий, разработанная российской, европейской и американской философией, не в состоянии адекватно отразить специфику исламистского религиозно-политического экстремизма, а тем более выработать эффективные пути решения данной проблемы. Так, например, многие исследователи обращаются к целому ряду терминов, таких как «политический ислам», «фундаментализм», «интегризм» и другим. Между тем при всём разнообразии понятий авторы описывают, как представляется, одно и то же явление, но существующий понятийный аппарат не в состоянии отразить того, что явление это многоликое, динамично меняющееся, и оно не поддается привычному научно-аналитическому исследованию. Как отмечает В.С. Полосин, «религиозно-политический экстремизм — крайне расплывчатая категория. Если она имеет отношение к политике, тогда речь идет о политическом экстремизме, а не о религиозном. Если иметь в виду внутрирелигиозные процессы, то к ним термин «экстремизм» неприменим» [4: с. 17]. Важный аспект данной проблемы состоит в том, что современный религиозно-политический экстремизм весьма гибок: он тесно переплетается с этнополитическими и этноконфессиональными особенностями в каждом конкретном регионе, используя религиозные чувства и одновременно религиозное невежество рядовых мусульман как средство, объединяющее и организующее своих сторонников. Распространение экстремистской идеологии, обрамленной вырванными из контекста Корана цитатами и их произвольной интерпретацией, трансформирует и без того неустойчивые представления молодых людей об исламе, подрывает традиционную культуру. Использование таких способов аргументации, при которых те или иные идеи подтверждаются через их соотнесение с догматами священного писания, вынуждают людей, слабо разбирающихся в традиционной религиозной культуре, «одобрять и легитимировать ценности и практическую политику, которые в действительности могут быть совершенно враждебны их жизненным интересам» [2: с. 36].

На руку экстремистам играет и то обстоятельство, что, с одной стороны, в обществе ощущается острый дефицит информации о подлинных духовных

ценностях ислама, об истинном его предназначении, а с другой — в широком ассортименте предлагается исламская литература с завуалированной экстремистской пропагандой. В результате на бытовательском уровне складываются ложные стереотипы и представления об исламе как о застывшей в Средневековье, воинствующей и агрессивной религии. Все это в многоконфессиональном государстве неизбежно порождает исламофобию, способствует усилению религиозной нетерпимости и конфессиональной обособленности, наращивает межрелигиозный конфликтогенный потенциал, что вполне отвечает интересам экстремистов и их политическим устремлениям.

Таким образом, представления о том, что для противодействия религиозно-политическому экстремизму достаточно запрета, закрепленного на уровне федерального или регионального законодательства, правоприменения «закона Лугового», силовых действий или реализации определенных мероприятий в рамках той или иной государственной программы — опасная иллюзия. Очевидно, что решение этой проблемы требует проведения последовательной, научно обоснованной государственной политики, ориентированной на систематическую поддержку и пропаганду объективных и полных знаний об истинных религиозных ценностях. В этой связи в ближайшей перспективе наряду с преодолением социально-экономических проблем на Юге России актуальной задачей является религиозное просвещение, налаживание межконфессионального диалога, нацеленного на взаимопонимание представителей разных культур и религий. Крайне важно решить проблему формирования духовно-нравственного иммунитета у подростков на основе реализации компетентностного подхода и педагогического принципа диалога культур в образовательном пространстве. Речь идет о гуманитарной и профессиональной подготовке обучающихся, в процессе которой формируется устойчивое культурное ядро личности. Другими словами, духовно-нравственный иммунитет отражает такое состояние ценностно-мотивационной сферы личности, которое характеризуется способностью преодолевать любые деструктивные влияния, организованные самими искусными пропагандистами международных религиозно-политических группировок.

Литература

1. *Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Политический ислам в странах Северной Африки. М.: Изд-во Московского университета, 2008. 508 с.
2. *Жукоцкая А.В.* Феномен идеологии. Самара: МГПУ, 2009. 272 с.
3. *Лапкин В.В.* Вступая в новую эпоху великих потрясений: попытка опережающей теоретической рефлексии // Полис. 2009. № 1. С. 30–42.
4. *Полосин В.С.* Возможен ли клерикализм в современной России // Информационно-политический бюллетень. 2009. № 4. С. 12–24.
5. Федеральный закон от 23 ноября 2015 г. № 314-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. Федеральный выпуск № 6837 (266) от 25.11.2015.

Literatura

1. *Vidyasova M.F., Orlov V.V.* Politicheskij islam v stranax Severnoj Afriki. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2008. 508 s.
2. *Zhukoczka A.V.* Fenomen ideologii. Samara: MGPU, 2009. 272 s.
3. *Lapkin V.V.* Vstupaya v novuyu e'poxu velikix potryasenij: popy'tka operezhayushhej teoreticheskoy refleksii // Polis. 2009. № 1. S. 30–42.
4. *Polosin V.S.* Vozmozen li klerikalizm v sovremennoj Rossii // Informacionno-politicheskij byulleten'. 2009. № 4. S. 12–24.
5. Federal'ny'j zakon ot 23 noyabrya 2015 g. № 314-FZ «O vnesenii izmeneniya v Federal'ny'j zakon «O protivodejstvii e'kstremistskoj deyatel'nosti» // Rossijskaya gazeta. Federal'ny'j vy'pusk № 6837 (266) ot 25.11.2015.

G.M. Gogiberidze,

R.E. Kurbanov

**Religious and Political Extremism:
Retrospect, Modernity, Forecast**

The geopolitical reality of the end of XX – beginning of XXI centuries became a religious-political extremism acting under the slogans of Islam. The orientologists studying this phenomenon tend to rely on western philosophy and methodology of science. However, the entire system of concepts developed in Europe and the United States is unable to appropriately reflect its specificity, all the more to develop effective methodological tools aimed at its overcoming. The solution of the problem posed requires a consistent, science-based state policy focused on systematic support and promotion of objective knowledge about religious values.

Keywords: extremism; religious safety; the formation of spiritual-moral immunity.